

Не Ян следовал за Хо Ли по пятам, пошарил у себя в кармане и, достав пачку, понял, что это та самая, которую он утром отдал Хо Ли.

— Да ладно, даже не притронулся? — Не Ян сунул её обратно.

Хо Ли, глядя в экран телефона на ходу, глухо ответил:

— Угу. Завязываю с курением. На полном серьезе.

В мессенджере от матушки Ли Цуйцуй посыпалась куча сообщений: голосовые, текст и несколько фотографий. Пришлось пролистать немало, чтобы добраться до начала.

Мама: Ты уже освоился на новом месте?

Мама: Как отношения с одноклассниками?

Мама: (Голосовое сообщение)

...

Мама: Сердце разрывается, когда целый день не вижу своего драгоценного сыночка.

Мама: [Фотография.jpg]

Мама: Приходится спасаться от тоски фотографиями твоего детства.

Мама: [Плачущий смайлик.jpg]

Что-то было не так. Внутри у Хо Ли забили тревожные колокола, а веко предательски задержалось.

Стоило открыть изображение, как на него взглянул он сам в младенчестве, в штанишках с вырезом между ног.

Не Ян встал на цыпочки, заглянул в экран, и вся его хандра из-за того, что его заставили стоять у доски за невыполненную домашку, мгновенно улетучилась.

— Брат, это ты? — Не Ян поспешно отскочил, чтобы не схлопотать, едва сдерживая смех.

На снимке малыш держал в руках носок, еще один был надет на голову, а лицо перепачкано молоком из бутылочки.

— Жить надоело? — Хо Ли выключил телефон, пытаясь скрыть очевидное. — Мне тут всего год, конечно, я в таких штанах!

Не Ян подкрался ближе, не в силах остановиться:

— Прости, брат Хо, просто... ты в детстве такой милый.

Закончив, Не Ян всмотрелся в нос и брови Хо Ли:

— Серьезно, такое ощущение, что брови до сих пор такие же. Кстати, у тебя уже тогда нос был такой прямой.

Многие говорили, что он был милым в детстве, но сам Хо Ли так не считал и признавать это не желал.

В понимании Хо Ли настоящий мужчина должен быть крутым, мускулистым и, желательно, с нотками «криминального авторитета» — будто он прошел через огонь, воду и медные трубы, обретя тот самый шарм брутального мачо.

Быть милым — это уже перебор.

Матушка Ли Цуйцуй, оставшаяся дома, словно почувствовала неладное и тут же позвонила по видеосвязи.

Хо Ли, нехотя ответив из-за той самой фотографии, увидел лицо матери, прильнувшее к объективу. Она еще не сняла накладные ресницы, и Хо Ли всерьез забеспокоился, что они прилипнут к экрану — вот было бы позорище.

— Алло, сокровище, ты на спортивной площадке?

— Почему камера не направлена на лицо моего сына?

— Лили?

Хо Ли:

— Мам, хватит называть меня этим детским именем! Рядом же Не Ян!

Не Ян прекрасно знал, что мать Хо Ли помешана на сыне, и сейчас мечтал лишь о том, чтобы заткнуть уши или позвать свою собственную мать, чтобы она послушала, как надо общаться.

Могли бы быть подругами, но почему Ли Янъян не может поучиться у этой Ли Цуйцуй? Две Ли, а отношение разное: одна носится с сыном как с сокровищем, другая растит его как подопытного кролика.

Хо Ли взглянул на Не Яна и переключил камеру. На маленьком экране он выглядел крайне недовольным.

Увидев нахмуренные брови сына, Ли Цуйцуй расхохоталась — она решила, что он до сих пор злится из-за фото, и поддразнила его:

— Я тут прибиралась в твоей комнате и нашла это в тумбочке. Глубоко же ты их спрятал.

Хо Ли издал нечленораздельный звук, выражая протест против вторжения в его личное пространство.

На самом деле, его раздражала не только фотография, но и Чэнь И. Мало того, что тот вписал его имя в список нарушителей, так еще и ходит с такой миной, будто у него на лице золото наклеплено, или он возомнил себя статуей Давида.

С такой же застывшей, как греческая статуя, «куриной» физиономией.

— Кто твой сосед по комнате? Какой у него характер? Если не поладишь, переезжай домой, — сказала Ли Цуйцуй.

— Мам, я здесь только первый день, даже не знаю, кто со мной живет, — Хо Ли сменил тон. — И вообще, это вы настояли на переводе.

Услышав это, Ли Цуйцуй помрачнела:

— Всё ради твоей учебы. А то набрал бы 200 баллов и пошел мести полы в кабинете у отца.

На самом деле, оба понимали, что учеба — дело десятое. Если бы не те события, Ли Цуйцуй никогда бы не настояла на переводе.

Вторая школа была совсем рядом, десять минут на велосипеде, а до Первой школы — путь неблизкий, почти через весь город по диагонали. Хо Ли решил жить в общежитии.

Он промолчал, дойдя до ворот. Золотые буквы Западных ворот ярко сияли в ночи. Хо Ли остановился и повернулся к спутнику:

— Не Ян, куда ты меня привел?

— А? Брат, ты же собирался домой, — Не Ян выглядел донельзя невинным. Он-то хотел зайти в столовую перекусить, но Хо Ли — безнадежный топографический кретин, который в незнакомом месте мог забыть дорогу через пять минут. Поэтому Не Ян, проявив верность, довел «старшего брата» до самых ворот.

Ли Цуйцуй, услышав шум, спросила:

— Что случилось?

Хо Ли махнул рукой, растеряв весь свой пафос, и бессильно ответил:

— Ничего, просто Не Ян довел меня до ворот.

Ли Цуйцуй тут же сделала скриншот сына с этим озадаченным видом — большая редкость.

Затем она сказала Не Яну:

— Я буду жить в общежитии.

Не Ян:

— Пощадите, я сейчас же проложу новый маршрут за пять секунд!

Хо Ли схватился за лоб. День сегодня выдался просто ужасный. Утром искал учебный корпус — нашел корпус для первокурсников. Искал общежитие — сделал круг и оказался в столовой. Первая школа намного больше Второй, и для Хо Ли это стало настоящей катастрофой.

Вдруг у Не Яна заурчало в животе. Они обменялись многозначительными взглядами.

— Брат, я есть хочу, — признался Не Ян.

Вечерняя самоподготовка длилась до полуночи, обед давно переварился. Раз уж они все равно у ворот, почему бы не сходить куда-нибудь поесть?

— Ну что, перекусим? — предложил Хо Ли.

— О-о-о!

— Да здравствует брат Хо!

Не Ян замялся:

— Только у меня с финансами туго, всё на карте столовой.

— Я угощаю, — Хо Ли бросил на него быстрый взгляд.

Осознав что-то, он прищурился:

— Ты что, нарочно это всё подстроил?

— Ну что ты, как можно! — хихикнул Не Ян.

Поскольку некоторые учащиеся как раз возвращались домой, на посту охраны не было строгих ограничений, главное — не попадаться на глаза охраннику.

Хо Ли попрощался с мамой в телефоне:

— Отключаюсь, пойду поедим.

Как только звонок завершился, Ли Цуйцуй прислала красный конверт с сообщением: «Берегите себя, съешьте с Сяо Не чего-нибудь питательного, например, свиной печени или говядины, вы же растете. Приезжай на каникулы! [Роза.jpg]»

Хо Ли с трудом понимал, что значит эта «говядина» в конце. Его мать вела себя как старшеклассница, внезапно повзрослевшая за одну ночь, в голове которой всегда бродили какие-то пошлые мысли.

Надеюсь, это не то, о чем я думаю.

Черт, кажется, его собственные мысли синхронизировались с материнскими.

По плану всё должно было пройти гладко, но, к несчастью, охранник хорошо запомнил этого парня. Утром этот красавчик с чемоданом сначала спрашивал дорогу в общежитие. Через десять минут появился снова — да, этот же красавчик пришел к столовой. В третий раз спрашивал учебный корпус, а на четвертый — охраннику пришлось отдать ему свою личную карту кампуса.

Поэтому теперь, глядя на Хо Ли, охранник испытал странное чувство дежавю. Увидев его снова, он присмотрелся — точно, это он! По утреннему чемодану было ясно, что парень живет в общежитии.

Охранник решил проявить бдительность:

— Опять заблудился? Общежитие у Восточных ворот.

Но как только охранник указал на вывеску Западных ворот, Хо Ли, схватив Не Яна, рванул с места.

— Стоять! — заорал охранник вслед, но те даже не обернулись. Он лишь успел заметить, что на спине формы Хо Ли красуется какой-то синий огонек — если он не ошибается, это форма Второй школы.

Охранника прошиб холодный пот, будто он встретился с призраком.

Охранник: «?»

Он схватил пробегающего мимо ученика:

— Это что, Первая школа?

Ученик посмотрел на него как на сумасшедшего.

...

<http://bllate.org/book/21892/2273927>